

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Кафедра государственного управления и уголовно-правовых дисциплин
Факультет экономики и права
Совет молодых учёных учреждения образования «Барановичский
государственный университет»
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Сборник материалов
II Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 12—13 мая 2016 года)

Под научной редакцией
кандидата юридических наук, доцента М. В. Андрияшко

Барановичи
БарГУ
2016

Рассматривается генезис и пути совершенствования уголовной политики Республики Беларусь; проведён анализ конституционных основ уголовной политики, а также таких направлений, как административно-правовые и социально-гуманитарные аспекты уголовной политики; определены актуальные тенденции уголовно-исполнительной политики; освещены современные проблемы эффективной борьбы с преступностью в аспекте уголовно-процессуального законодательства; исследованы основы обеспечения безопасности человека, общества и государства в юридическом и экономическом аспектах.

Изложены результаты собственных исследований авторов, а также внесены предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь в области уголовной политики.

Адресуется специалистам органов государственного управления, обучающимся (студентам, магистрантам, аспирантам), преподавателям учреждений высшего образования, а также всем заинтересованным лицам.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» Т. С. Таранова,
доктор исторических наук, профессор, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» В. А. Ананич

против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, предусмотренным Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Более того, в 2009 г. уже был увеличен квалификационный размер в составе уклонения от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК Республики Беларусь) с 250 до 1 000 базовых величин и тем самым произведена частичная декриминализация налоговых правонарушений.

Соответственно, в части второй статьи 216 УК Республики Беларусь предусмотреть причинение имущественного ущерба в особо крупном размере, т. е. на сумму, в 1 000 раз превышающую базовую величину. Возможно также дополнить часть вторая статьи 216 УК Республики Беларусь квалифицирующим признаком «повторно».

Дополнять статью 216 УК Республики Беларусь особо квалифицирующим признаком «организованной группой» нет необходимости, так как в части двенадцатой статьи 4 УК Республики Беларусь разъясняется, что под группой лиц, если иное не оговорено в статье Особенной части УК, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой.

Нет также необходимости дополнять статьи 216 УК Республики Беларусь квалифицирующим признаком «лицом с использованием служебных полномочий», поскольку такое деяние охватывается статьёй 424 УК Республики Беларусь «Злоупотребление властью или служебными полномочиями».

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
3. Там же.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Гос. думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 30 дек. 2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : в ред. Закона РК от 24 нояб. 2015 г. Доступ из информ.-поисковой системы «Юрист».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан.

УДК 343.213.5

А. А. Махарадзе,

кандидат юридических наук, профессор

Батумский государственный университет им. Шота Руставели, Батуми, Грузия

ГРУЗИНСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Введение. Согласно статье 2 Уголовного кодекса Грузии (1999 г.) (далее — УКГ) [1] преступность и наказуемость действия определяется законом, действовавшим в момент его совершения.

С действием нормы во времени связан вопрос об обратной силе закона — свойстве закона, когда он может распространяться на действия и факты, при совершении которых данный закон не действовал. В соответствии со статьёй 3 УКГ уголовный закон, устраняющий преступность деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу; уголовный закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Основная часть. Указанная норма стала предметом дискуссий в грузинской правовой реальности, чему способствовало решение Конституционного суда Грузии от 13 мая 2009 г. № 1/1/428, 447, 459 [2], в котором трое из участвующих в рассмотрении конституционного иска судей написали три различных мнения.

В Конституционный суд с иском обратился народный защитник и два гражданина Грузии, которые в исковом требовании ставили вопрос о признании неконституционной часть первую статьи 3 УКГ. Требования обосновывались тем, что в силу указанной нормы обратную силу приобретают те новые законы, которые ухудшают правовое положение лиц, совершивших преступление до вступления данного закона в силу, что, во-первых, связывалось с установлением в 2006 г. сроков уголовной давности в 15 лет в отношении должностных преступлений (статья 71 УКГ) (до 2006 г. — 10 лет в отношении тяжких преступлений, 6 лет — менее тяжких).

Во-вторых, исковое требование связывалось с ужесточением условий применения условной наказуемости: в 2006 г. статья 12 УКГ дополнена положениями о разграничении ответственности в зависимости от тяжести совершённого преступления и об ужесточении условий применения условного наказания. Указанная норма, по мнению истцов, противоречит пункту 5 статьи 42 Конституции Грузии, согласно которому никто не несёт ответственности за действия, которые на момент их совершения не считались правонарушением, так как Закон, если он не облегчает или не устраняет ответственность, не имеет обратной силы [3].

Указанное конституционное положение является важной гарантией защиты прав человека и подтверждает готовность государства пресекать произвол со стороны властей [4, с. 558], а также соответствует содержанию пункта 2 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека, статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Аргументация искового требования сводилась к тому, что предусмотренный пунктами 5 статьи 42 Конституции Грузии термин «ответственность» не ограничивается объявлением деяния преступным и назначением наказания, но также охватывает вопросы, связанные с освобождением от ответственности, определением сроков давности, условной наказуемости.

Поэтому статья 3 УКГ, ограничивающая вопросы обратной силы закона лишь категориями преступления и наказания и оставляющая открытым вопрос применения обратной силы закона в иных случаях, ухудшающих положение преступника, не соответствует указанной норме Конституции и должна быть объявлена неконституционной. При этом истцы подчёркивают, что в первичном варианте уголовной нормы (1999 г.) прямо указывалось, что закон, ухудшающий иным образом положение преступника, не имеет обратной силы. Впоследствии данное положение было изъято и обратная сила была придана уголовно-правовым нормам, которые напрямую не устанавливали преступность деяния или не отягчали наказание, что противоречит пункту 5 статьи 42 Конституции.

Конституционный суд не признал неконституционной статью 3 УКГ. В частности, в пункте 28 решения Конституционного суда указано, что «в случаях истечения срока давности не следует наказывать преступника. Подразумевается, что по истечении срока давности преступность деяния отменяется. Поэтому его ретроактивное использование нарушает принцип законности» [5].

В отношении случаев, когда законодатель увеличивает срок давности относительно деяний, срок давности которых не истёк по ранее действовавшему закону, суд решил, что положение преступника ухудшается и постановил, что в таких случаях возможно применение обратной силы закона и противоречие нормам Конституции отсутствует (пункт 25 решения Конституционного суда) [6].

Относительно оснований применения условной наказуемости в случаях ухудшения положения преступника в связи с изменением закона Конституционный суд решил, что косвенным ужесточением наказания должна считаться отмена условной наказуемости за преступное деяние по его совершению, несмотря на то, что оно не предусмотрено системой наказаний. Следует учитывать, что условная наказуемость имеет аксессуарный характер, так как не существует условной наказуемости без наказания.

Из указанного следует вывод о том, что у Конституционного суда не сложилась единая позиция по вопросу о том, должна ли применяться обратная сила закона в случаях, когда положение преступника ухудшается. Напротив, суд рассматривает данный вопрос дифференцированно: если вопрос касается срока давности уголовной ответственности, закон может приобрести обратную силу, даже если ухудшает положение преступника, а если касается условной наказуемости, этот вопрос связан с наказанием и обратная сила закона на него не распространяется.

По мнению одного из судей, анализировавших соответствие статьи 3 УКГ пункту 5 статьи 42 Конституции Грузии, «разумная трактовка норм Уголовного кодекса Грузии... не даёт оснований для интерпретации спорной нормы в несоответствии с Конституцией», т. е., по его мнению, спорная норма не противоречит содержанию указанной конституционной нормы [7].

Второй судья Конституционного суда высказывает мнение о том, что «нельзя рассматривать нарушением Конституции противоречие конституционному принципу обратной силы тот случай, когда законодатель увеличивает установленный старым законом ещё не истекший срок давности...» [8]. Позиция судьи сводится к тому, что ретроактивное использование срока давности ухудшает правовое положение лица и такой подход может привести к безмерному продлению срока уголовного преследования.

Третий судья основное внимание заостряет на казуистическом характере спорной нормы и отмечает, что чёткую позицию не удаётся сформулировать в связи с неединообразным подходом, содержащимся в судебной практике. Судья отмечает, что спорная норма не удовлетворяет требованиям предугадываемости и доступности и существуют разумные основания для неоднозначной, в том числе антиконституционной, трактовке части первой статьи 3 УКГ [9].

Многообразие подходов судей Конституционного суда к решению данной проблемы вызвало резонанс среди учёных-криминалистов и криминалистов-практиков. Многие признанные учёные и практики попытались зафиксировать и защитить свою особую позицию. Профессор О. Гамкрелидзе, будучи приглашённым в качестве специалиста в Конституционный суд, отмечал, что спорная норма носит более узкое значение, чем формулировка предложения второго пункта 5 статьи 42 Конституции Грузии. По его мнению, приведённый в Конституции термин «ответственность» является более широким

понятием и содержит как преступность деяния, наказание, так и другие меры, изменяющие правовое положение преступника. Содержащаяся в Конституции формулировка «смягчает или отменяет ответственность» подразумевает не только отмену преступности деяния или смягчение наказания, но и другие случаи отмены ответственности. Они охватывают нормы, регулирующие сроки давности, условной наказуемости, и если происходит принятие закона, регулирующего данные институты и отягчающего положение преступника, он не должен приобретать обратную силу.

По мнению профессора О. Гамкрелидзе, часть первая статьи 3 УКГ ограничивает приведённый в Конституции принцип запрета обратной силы закона, так как апеллирует лишь к «преступности деяния» и «наказанию» за данное преступление. Под указанными терминами, по мнению О. Гамкрелидзе, не подразумеваются законы, определяющие сроки давности и условной наказуемости, так как подобная формулировка спорной нормы не оставляет правоприменителю возможности трактовать норму шире. К буквальному толкованию судей толкает также то обстоятельство, что из этой нормы была изъята ранее существовавшая формулировка «либо иным образом улучшает положение преступника», вследствие чего у судей нет возможности распространить обратное действие закона в тех случаях, когда закон иным образом улучшает положение преступника. Учитывая указанное, О. Гамкрелидзе заключает, что часть первая статьи 3 УКГ противоречит положениям Конституции [10].

Иное мнение по данной проблеме высказал известный судья Верховного суда Грузии и учёный Д. Сулаквелидзе. Анализируя решение Конституционного суда и высказанные по этому вопросу различные позиции, он пришёл к заключению о том, что мнение о необходимости признания спорной нормы антиконституционной лишено оснований. По мнению Д. Сулаквелидзе, отражённое в конституционной норме понятие «ответственность» не следует придавать широкое значение во избежание в связи с действием обратной силы закона всех случаев «иным образом ухудшающие положение преступника». Спорная норма, подчёркивающая два положения об обратной силе закона, правильная и соответствует содержанию пункта 5 статьи 42 Конституции Грузии. Обратная сила закона не может предусматривать случаи ещё не приобретённого права, когда до истечения срока за совершённое преступление новым законом продлевается срок давности или ухудшается положение условной наказуемости. Достаточно, чтобы закон установил обязательный минимальный стандарт защиты лица, объём которого произвольно уменьшать недопустимо. По мнению Д. Сулаквелидзе, этот минимальный и гарантированный стандарт заключается в том, что лицо подлежит наказанию за деяние, которое в момент его совершения не считалось преступлением; лицо не подлежит более суровому наказанию, чем это было предусмотрено законом, действовавшим в момент совершения преступления [11, с. 155—156].

Своё мнение по поводу обратной силы закона также высказал известный учёный и практик, бывший судья Верховного суда Грузии и ныне действующий судья Конституционного суда М. Турава, который на основе анализа международной судебной практики поддерживает решение, принятое Конституционным судом. Он считает, что согласно международной практике закон, ухудшающий положение преступника, связанное со сроком давности уголовной ответственности, может приобрести обратную силу и распространяться на те случаи, когда до задержания лица срок, установленный старым законом, ещё не истёк. Относительно условной наказуемости распространение обратной силы закона, ухудшающего положение преступника, недопустимо [12].

Заключение. Такова грузинская реальность в отношении обратной силы уголовного закона. Спорную норму Конституционный суд не признал неконституционной, при том что в ходе принятия решения судьями высказывались различные мнения: от радикальных до промежуточных.

Такая позиция Конституционного суда обострила дискуссии среди учёных, имеющих различные взгляды на проблему, что отразилось на судебной практике. К тому же обсуждение вопроса протекает в условиях, когда в уголовном законе не просматривается чётко сформулированная позиция по поводу поставленной проблемы. Характерно и то, что в Грузии отсутствует единое фундаментальное монографическое исследование, которое бы на основании научной обработки данного вопроса комплексно исследовало фрагментарно высказанные идеи, законотворческие инициативы, практику правоприменения, актуальное состояние законодательства и на основе анализа внесло бы ясность в решение этого интересного и значимого вопроса. Поднятая проблема является актуальной и интересной, а подход к её решению нуждается в дополнительной аргументации, которая в рамках данного доклада затруднительна. Однако роль представленного доклада в пробуждении интереса учёных и практиков-криминалистов к проблеме очевидна. Ожидается, что он может стать катализатором, в будущем способствующим появлению большего числа аргументированных и обоснованных позиций, что сможет найти отражение в практике.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : Закон Грузии, 22 июня 1999 г. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/user?current=document/view/2947465> (дата обращения: 22.03.2016).
2. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда [Электронный

ресурс] : решение Конституцион. суда Грузии, 13 мая 2009 г., № 1/1/428, 447, 459 URL: <http://www.constcourt.ge/en/legal-acts/judgments> (дата обращения: 22.03.2016).

3. Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.ge/ge/kanonmdebloba/constitution-of-georgia-68> (дата обращения: 22.03.2016).

4. Комментарий к Конституции Грузии. Глава вторая. Гражданство Грузии. Основные права и свободы человека. Тбилиси : Петити, 2013. 632 с.

5. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда. С. 25.

6. Там же. С. 24.

7. Там же. С. 30.

8. Там же. С. 52.

9. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда. С. 34 ; Эремадзе К. Соображения по поводу решения Конституционного суда — ответ на комментарий Д. Салуквадзе [Электронный ресурс] // Constitutional Law Review. № 2. 2010. URL: <http://constcourt.ge/en/publications/journals> (дата обращения: 22.03.2016).

10. Народный защитник Грузии, гражданин Грузии Элгуджа Сабаури и гражданин Российской Федерации Звиад Мания против Парламента Грузии и три отличающихся друг от друга довода трёх судей Конституционного суда. С. 9—10.

11. Салуквадзе Д. Об обратной силе уголовного закона — комментарий к решению Конституционного суда // Constitutional Law Review. № 2. 2010. URL: <http://www.library.court.ge/index.php?cat=s> (дата обращения: 22.03.2016).

12. Турава М. Уголовное право: обзор общей части. 8-е. изд. Тбилиси : Бона кауза, 2010. С. 29—34 ; Его же. Уголовное право: обзор общей части. 9-е. изд. Тбилиси : Меридиан, 2013. С. 27—31.

УДК 343.237(476)

О. О. Новик

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение. В правоприменительной практике достаточно часто имеют место случаи совершения лицом двух или более преступлений, что, естественно, имеет определённую специфику при квалификации и назначении наказания в отличие от совершения одного преступления. Совершение лицом нескольких преступлений свидетельствует о более высокой степени опасности как самого субъекта, так и совершённых им преступлений. Лица, которые совершили два или более преступления, как правило, характеризуются устойчивыми антиобщественными взглядами. Причиняемый ими физический, материальный или моральный вред правоохраняемым общественным отношениям, благам обычно более существенный, чем при совершении лицом одного преступления. При этом лицо может совершить преступления, предусмотренные различными статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) либо повторить совершение преступления, предусмотренного одной и той же статьёй УК Республики Беларусь, или совершить преступление, уже будучи ранее судимым за совершённое преступление. Такие случаи получили в теории уголовного права название множественности преступлений.

Любая множественность должна характеризоваться определёнными количественными признаками: наличием двух или более элементов, компонентов, явлений. В зависимости от характеристики элементов учёные-криминалисты выделяют такие виды множественности, как множественность участников одного преступления, множественность наказаний и, наконец, множественность преступлений. При этом Р. Р. Галиакбаров предложил и обосновал идею изучения множественности как отдельного института уголовного права. Он считал, что следует в рамках уголовного права выделить институт — множественность, который бы объединял как множественность преступлений, так и множественность участников [1, с. 13]. Предложенная идея не получила законодательного оформления и доктринальной поддержки.

Институт множественности белорусским законодателем впервые выделен в отдельную главу 7 УК Республики Беларусь, обобщённое же понятие «множественность преступлений» в уголовном законе отсутствует. Понятие множественности преступлений разрабатывается теорией уголовного права и пока неизвестно уголовному законодательству. Незначительный круг исследований, в которых предпринята попытка дать определение понятия множественности преступлений, свидетельствует о различном подходе к этому уголовно-правовому институту. Несмотря на имеющиеся разногласия по этим вопросам, большинство авторов справедливо отмечает, что множественность преступлений характеризуется случаями совершения одним лицом двух или более преступлений. Из этого следует, что общим признаком множественности является совершение не менее двух преступлений, совершённых одним и тем же лицом.